

О разном и слегка о кино

Евгений Носифович Габрилович — старейший мастер кино, автор сценариев фильмов «Коммунист», «Твой

современник», «Ленин в Польше» и многих других. В этом году ему исполнилось девяносто лет.

ПОСЛЕ ДОЛГИХ ВРЕМЕН уравниваний, сглаживаний и запрещений пришла пора, когда наше искусство получило возможность говорить обо всем, к чему прежде было опасно даже приблизиться. О том, что оно вправду видит, чувствует, понимает — или не понимает; что неподдельно хвалит и что отвергает; что дорого и единственно для художника, а не для подтегивающих его. Долгожданное время.

Приоткрылось, и это не преувеличение, мироздание крупных раздумий, настоящих оценок, рвущих душу тревог, восторгов, негодований. Бессчетность каждодневных комедий и драм, десятилетиями недоступных художнику. Все то, что он, трудно представить, все-таки бормотал порой в четверть голоса, а порой и в осмысленную. Да подчас ценой жизни.

Среди прочих искусств право на самое крупное, важное, многозначное, на самое дерзкое, смелое получил и кинематограф. Воплощая, что видишь. Рассказывая обо всем, что считаешь первостепенным, наиважнейшим для сегодняшних дней и сердец. Тебе доверен экран и дана невозбранность.

Но и сейчас, в беззапретное время, мы все еще на поверхности. Все еще в поисках сливок. Это вкусно и прибыльно, но, пусть припахает мне клише педанта, это только поверхность, плоскость того, что бурлит и клокочет сегодня — в людях, в стране. Да, повторяю, истинному искусству нужны, конечно, и похождения убийц и следователей, но только тогда, когда за ними шлейф Непреходящего. Бесмертного. Вечного. Даже Извечного. Исследующего необъятный, противоречивый, простосердечный и необозримо запутанный мир человека.

А теперь необходимое отступление...

ЕДИНОМЫСЛИЕ было одним из центральных призывов в недавнем прошлом. Единогласие считалось самой внушительной добродетелью нашего бытия. Единообразны были в большинстве своем те герои искусства, которым учили нас подражать. К согласию приходили в финале все персонажи. Это считалось главным достоинством нашего стиля и существования. И, естествен-

но, магистрального смысла кинокартины, во всяком случае ее завершающего аккорда. Между тем это придуманное единство, столь воспетое, было ложью. Человек необъятно разнообразен. Разнолик он и в перестройке.

Он раздираем всевозможными силами. Верой, сомнениями... Он беспокоен. Внешне и внутренне. Разве же это не подлинный импульс для примолкшего экрана — эта несмолкающая битва, ее разноцветье и суть. Битва, пестреющая мертвыми, ранеными и подлеченными, во не совсем.

Да, к перестройке готовы как будто все. Но чаще с виду. Вот в этом «с виду», если брать пробы с глубины, и заключается, на мой скромный глаз, один из важных аспектов жизни для кино, истосковавшегося по крупному.

Потому что тут настоящие бури действительности и исконный искусством конфликт.

Перестройка обнажила многие острейшие столкновения. Годы учили все нас (и полностью научили) беспрекословному подчинению. И омертвили самостоятельность во всех областях. Людей приучили не мыслить, а слушаться. Вместе с неуносительным выполнением обязательных указаний, решений, команд стерлась не только разнозначность, противоречивость, бескрайность жизни, но и самостоятельность человека. В ведении хозяйственных дел. В руководстве заводами. Дипломатией. Весенним севом. Философией, рыбной ловлей и высшей школой. Все ждут указаний во всем. Есть команда? Нету команды? Ждать указаний стало обычным, не для одних лишь просителей, но и для исполнителей. И для решающих лиц.

И хитрость, уловки и способы, наконец, какими следует ждать, стали одним из главных управленческих университетов.

Но вот пришла перестройка, и управителям разных степеней говорят: «Указаний не будет, решай все сам. — Как это сам? — Вот так, сам. — На свою ответственность? — На свою. — Жить своей волей, без предписаний? — Ну уж не так уж, но все же... — Ну нет, не на простака напали!»

И все как было. Есть указание сверху? Мигом! Нет указаний с высот — повременим. Следует изучить, протудировать, проработать...

И штудируют. Долго-долго. С той поры, как пришла перестройка. Ожидая, не наметится ли чего другого.

С ХУДОЖНИКАМИ такой разговор имеет свои варианты:

— Делай то, что считаешь нужным.

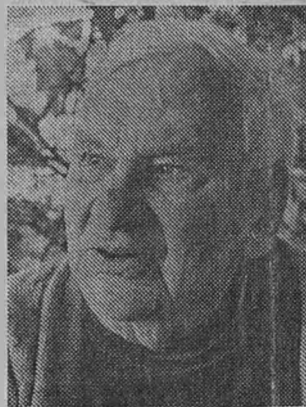
— Все, что считаю?

— Все.

— И все же что там, вверху? Какие тенденции?

Конечно, есть люди, которые взялись за дело во всех видах деятельности по-настоя-

Художник и время

щему. Но большинство посматривает, приученное десятилетиями ничего не решать самому, но состоять все время в поту, в суматохе и рвении. Не верят. Не верят тому, что все и впрямь повернулось. Или точнее — поворачивается. Без скрытой мысли. Начистоту.

— Слова — что. Погремят — и нету!

А ведь если прикинуть, очень сложно привыкнуть к тому, что на все придется отваяться самому. Без приказа. Идти на решения самому. Даже в том, чему радоваться и о чем горевать. Ведь так уже вьелась, впиталась, вросла, врезалась в нас (и тут еще одна из мало учитываемых сложностей перестройки) привычка не высовываться. Быть как все. Но вот единое душе изпарилось, его нет даже в газетах. И как прозрелось, нет его и в действительности.

Зовут к личностному.

Кого? Того, кто с младенчества до бороды шел в едином строю, в один шаг, в один взмах руки?

Но легко ли стать личностью, когда за такое ломали спины и шеи? Когда за свое (в хозяйстве и мыслях) травили

сердца? Наивны те, кто полагает, что стерлось такое из памяти человека.

ВПРОЧЕМ, КТО ОН, сегоднешний человек? Вот это и необходимо исследовать сегодняшнему киноискусству. Уже потому, что совсем непохожим на все наши прежние представления о нем явился он нам — хотя бы в облике своих депутатов в Верховном Сове-

те. Он уже в полной мере другой. Какой?

Нам часто показывают в кино и по телеку струящиеся по улице толпы людей. Они наплывают на нас, приближаются, исчезают — взволнованные и безразличные, быстрые и неторопливые, с зонтиками и без. Молодые, старые, потерянные, отужоженные, веселые и никакие. Всецветие человечества скользит мимо нас.

А если протянуть руку и вытянуть кого-нибудь из всецветия? Наугад? Наобум?

Вот, к примеру, я протянул руку и вытянул двоих. Просто ткнул пальцем — эти! Тот, кто в толпе, сегодняшний. Кто же он?

Но кто бы он ни был — мужик или баба, — исследовать его вдоль и поперек, в его заботах, пристрастиях, оценках, раздумьях, исследовать все, пусть мельчайшее, в нем. Пыль и миры. Безоблачности и хлам. Но, повторяю, все это не вообще — вне времени и пространства, а именно тут, у нас, среди нас и в нас. И именно в дни перестройки.

Потому что редко кому из людей, причастных к искусству, посчастливилось жить в эпоху, когда ломаются мысли, привычки, освоенности, меняются истины, дети, подростки, памятники, семейные связи. И даже качаются (правда, я в этом не очень уверен) такие материи, как смерть и любовь. Ведь даже этак пяток годков назад никто и не подозревал, какие взрывы таит перестройка.

А мы с вами хлопочем с экранов об интердевочках!

Суть — так мне кажется — вот в чем: мы полагали, что перестройка — это перестановка экономических и управленческих сил, а оказалось, что это переделка почти всего. Пусть с трудом, со скрипом, жалобами и тормозами, но перемалывается то, что, как казалось, вошло навеки.

Невиданная продвигка. А мы, затаив дыхание, следим

за «Маленькой Верой», к слову сказать, очень хорошей картиной. Но соразмерно ли это с тем, что бурлит, клокочет в стране? Ведь кипит государство, и нам доверено отразить это на экране.

Правда, однако, в том, что, провозглашая столь высокие истины, я сам путаюсь в том, кого выбрать, чтобы поведать о времени. Каких героев я бы, ткнув пальцем, облюбовал?

Может быть, этих?

Один это тот, кто еще лет десять назад творил Историю. От его слова, мановений зависела судьба. Он возвышал, награждал, истреблял. Он был всевластен, планета внимала ему. Его решения не оспаривались. Он назначал веру, счастье, беду. Он подписывал пакты, указы и соглашения, перекраивавшие земли и океаны.

И вдруг перестройка — и он ничто. Отставлен, всеми забыт. Многими проклинаем. Старенький старичок. С палочкой, в картузе. В пальто со старых, прекрасных для него времен. В очках, с нехотой подчиняющимися ногами. С дрянной печенкой и никудышным дыханием.

Он бродит по городу, все дела испарились, отпали. Занятый нет. Ходит и думает. О чем? Вот об этом, о думах его, и следует написать. В деталях, пристально, обстоятельно, развернуто, досконально. Подозреваю, что плохо будут смотреть такой кинофильм, но в памяти эпохе не мешало бы оставить картину о человеке, в котором и старость, и палочка, и картузик, и чудовищная обидка, афронт, унижение, и пальто из ушедших блеснувших времен. И жажда мести, злорадность, и память о сладости власти. И смерть.

И, может быть, в том же фильме попутно еще и о девушке, скажем, Нине. О том, что столько мы достигли в науке, в машинах, в искусстве театра и канцелярий, знаем, как долететь до Юпитера. И летим. Но все еще никак не ухватим толком, как сделать, чтобы девушке Нине стало радостно жить. А ведь в общем-то разве же не для этого вся перестройка?

Или вовсе другого героя, совсем для другого фильма можно выхватить тем же манером. Гражданин средних лет, из среднего города, работал средним сотрудником в посредственном учреждении и вдруг решил покинуть служебный клеенчатый стол. Потянуло организовать кооператив. И двинулся он за разрешением.

Вот этому-то странствию по учреждениям за санкцией на кооператив и назначено стать парфразой странствий Чичикова по губернии. Галерея начальников, подчиненных, властных, безвластных, вздорных и смиренных, женатых и холостых, пламенных и угасших. Заявления, справки, решения, новые заявления. Позиции внутренние и международные. Взгляды застольные и философские. Вздохи интимные и гражданские. И кафедры для речей, и урны с окурками. И люди, действительно увлеченные перестройкой, и люди, всего лишь зазубрившие ее лозунги наизусть.

Вся страна — в ее взлете, сомнениях, вере — должна предстать нам в этом кино (или романе) в истории самого среднего гражданина, странствующего по присутственным местам в поисках позволения на объединение.

Я ПРИВЕЛ эти два возможных сюжета, чтобы в меру сил своих показать, сколько много разного связано с той свободой, которая наконец коснулась искусства и о которой так жарко мечтало мое поколение. А также чтобы напомнить, как много потеряно для страны в том поколении. Сколько приглаголено, усреднено, обрублено и убито из-за того, что было нельзя.

Чтобы новые поколения уяснили всю горечь, отчаяние и безысходность этого слова!

Немало заметного, порой превосходного создано в киноискусстве уже сейчас, в дни перестройки. Это правда, и это так. Кстати, в этом большая заслуга и ВГИКа, который стало в обычае крепко и далеко не всегда справедливо бранить. Но время требует от искусства (и тут я возвращаюсь к тому, с чего начал) иного размаха. Чего-то неизмеримо более значительного, глубокого и всеобъемлющего, чем зеркальное отражение даже самых острых сиюминутных проблем. Иного масштаба, объема и широты.

Позволено! Делайте! Не мельчите!

Мы строим общечеловеческий дом. Так пусть же станут общечеловеческими в своих раздумьях и персонажах, глубинах решаемого, а может быть, так и неразрешимого ваши книги и фильмы.

Пусть будут задумчивей, неспокойней, въедливей, острее, пронзительней не только экономисты, но и художники.

Евгений ГАБРИЛОВИЧ.
Фото В. Кузнецова.